

Завет Ивана Гончарова

Посмертная судьба писательского творчества бывает порою сложна и поучительна. Человека, при жизни стяжавшего признание читательской массы и критики, ниспровергают новые поколения; потом вспоминают и добывают из забвения; вновь забывают на музейной полке — и открывают опять, и так несколько раз.

Примерно такова история колебаний в оценках наследия Ивана Александровича Гончарова (1812—1891).

Уроженец Симбирска, питомец Московского университета, он стал в Петербурге отличным, исполнительным чиновником и одновременно домашним учителем двух сыновей живописца Николая Майкова, любимца императора Николая I. Культурный салон Майковых послужил для Гончарова писательской школой, в рукописных альманахах этого салона появились его первые повести. То было творчество для узкого кружка просвещенных читателей; оно оставалось невидимым и неслышимым для публики, но явилось превосходной подготовкой для выхода на широкое литературное поприще.

И в 1847 году романом «Обыкновенная история» в русской литературе дебютировал зрелый, сложившийся писатель Гончаров.

Фабула романа отчасти автобиографична, отчасти общелитературна: это карьера провинциала в столице.

Провинциальный романтик Александр Адуев приезжает с кипой чувствительных стихов покорять Петербург. Гончаров в «Обыкновенной истории» дал более сдержанную и скромную вариацию бальзаковского романа «Утраченные иллюзии». Романтик превращается в дельца, расставаясь со

своими иллюзиями: так ли уж сильно отличается Александр от Растиньяка?

Сочетая приемы Бальзака и Гоголя, но в языке в основном следуя Пушкину, Гончаров талантливо описал наиболее европеизированную и деловую часть петербургского общества — либеральное дворянство, переходящее в буржуазию и начавшее сливаться с нею. Воплощение этой тенденции — дядюшка героя, Петр Адуев, дворянин-фабрикант. Понял и отразил Гончаров также «издержки прогресса» — постепенное угасание в деловой суете столицы всех лучших человеческих чувств, отмирающих за ненадобностью. Буржуазный прогресс убивает не только иллюзии, но и самую любовь. В. Г. Белинский, хвала «Обыкновенную историю», выразил некоторые сомнения в достоверности той метаморфозы, которая произошла с романтиком Александром Адуевым. Эпизод романа великий критик счел неудачным.

И Гончаров задумал новый роман — другой вариант судьбы дворянского романтика. Он решил показать, как упрямый романтик сохраняет в чистоте свое «я», свои сокровенные идеалы; результатом этого упорства должна стать тихая и медленная деградация. Так родился замысел «Обломова», создавшегося приблизительно десять лет.

Одним из первых принципов любившего реалистического метода было изображение процесса, в ходе которого социальная среда формирует характер. Следуя этому правилу, Гончаров прежде всего написал и отдельно опубликовал главу из будущего романа — «Сон Обломова», в которой изобразил безмятежное сельское детство помещичьего дитя в родной Обломовке.

Давно уже подмечена связь «Сна

Обломова» с гоголевской повестью «Старосветские помещики». Прекрасный поэт и критик Иннокентий Анненский писал: «Гоголь дал прототип Обломова в усадьбе Товстогузов»¹. Он же сравнил тип Обломова с гоголевскими персонажами Маниловым, Тентетниковым, Платоновым, а также с Подколесинным из комедии Гоголя «Женитьба». Последнее сопоставление особенно метко.

Идиллическая Обломовка — это как бы имение гоголевских Товстогузов с введением в него доброй русской няни из «Евгения Онегина». Говоря несколько философски, Обломовка — это блаженный остров покоя и сна, выключенный из мирового процесса и не приемлющий ничего нового извне (см. историю с нераспечатанным письмом). Вот эта среда и формирует характер вечного созерцателя Ильи Ильича Обломова, который гордится своею неспособностью к труду как признаком благородства.

Создание романа «Обломов» было внезапно прервано кругосветным плаванием: в 1852 году Гончаров отплыл из Кронштадта в ранге литературного секретаря эскадры вице-адмирала Путятина.

Он вернулся с огромным запасом впечатлений.

Цикл его путевых очерков «Фрегат Паллада» печатался в 1855—1857 годах. Книга захватила всю Россию. Она и сегодня восхищает нас своею изобразительной силой, бытовой наблюдательностью и характерностью взгляда на мир: это взгляд русского провинциала, слегка скептического к чужим красотам и имеющего свой твердый критерий оценки — сравнение с родным гнездом, где покойно и привычно душе и телу.

Лет пять роман «Обломов» почти не подвигался вперед, если не считать разрозненных добавок и набросков. Летом 1857 года Гончаров поехал отдохнуть на воды в Австрию. И вот там вместо отдыха случилось «мариенбадское чудо»: Гончаров от скуки взял перо, попробовал продолжить роман, и вдруг, словно плотину прорвало, роман пошел «сам собой», и Гончаров писал, как одержимый, весь месяц.

Он дописал «Обломова» в Петербур-

ге, и в 1859 году роман вышел в свет. Это один из главных памятников русского классического реализма. «Обломов» отличается высочайшей изобразительной культурой и эпической объективностью. В романе царит удивительное ощущение — величие обыденной жизни. Строго говоря, это не совсем роман, а своего рода бессобытийный эпос. «Действие» этого эпоса состоит в бездействии главного героя, проводящего жизнь на мягком диване, в халате и комнатных туфлях. Диван, туфли, халат — три эпических символа дремучего русского быта.

Оказывается, даже в шумном, хлопотливом Петербурге можно выкроить себе островок блаженной независимости и отключиться от времен, как было в родимой Обломовке. В запыленной квартире на Гороховой улице, где живет Илья Обломов со своим ленивым, но верным слугой Захаром, темп жизни иной, нежели на Невском проспекте или на Васильевском острове с его биржей и университетом.

Современный исследователь Д. Н. Медриш говорит о «нравописательном» времени романа «Обломов». Для такой передачи времени «естественно полное отсутствие хронологии. Не случайно отец героя читает «третьегодичные» ведомости, а на полученном Ильей Ильичем письме старосты «месяца и года нет»².

Илья Ильич видит сны и грезит наяву, но презренная реальность, суета меркантильного века, внушают ему непобедимую антипатию, из которой его тщетно пытается вырвать друг детства — динамичный и поджарый Андрей Штольц, из русских немцев.

Любовь к Ольге Ильинской внесла драматизм в жизнь Обломова, он даже на время сменил свой вечный халат на фрак, стал выезжать в свет, чтобы видеться с Ольгой; между ними уже все было сказано, и Ольга, распознав прекрасную, добрую душу Обломова и желая спасти его от безнадежной апатии, согласилась на брак.

В этот момент обломовской сонной идиллии угрожало семейное счастье. Но на такой важный шаг сил у Обломова не хватило. Брак не состоялся. Ольга заблела от огорчения и, чтобы забыться,

¹ Анненский Иннокентий. Книги отражений. М., 1979. С. 266. («Гончаров и его Обломов»).

² Медриш Д. Н. Структура художественного времени в фольклоре и литературе // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Сб. ст. Л.: 1974. С. 130).

уехала (естественно!) в Париж, а потом вышла замуж за Андрея Штольца.

А унылый Обломов переехал с Горьхой на тихую Выборгскую сторону и там снял квартиру у молодой вдовы Агафьи Матвеевны Пшеницыной. «Вкусная» фамилия эта не случайно придана простодушной и самоотверженной женщине с формами кормилицы (Гончаров пишет, что грудь ее наполнила диванную подушку). Агафья Матвеевна была домовита, хлопотлива, рачительна; рукава ее были вечно засучены, и Обломов заглядывая на ее полные обнаженные руки с ямочками на локтях...

А когда он впервые обнял ее, Агафья Матвеевна стояла покорно и смиренно «как лошадь, на которую надевают хомут». Заметим, что в описании этой любви достигает своих вершин мягкий юмор Гончарова — тот юмор, на дне которого теплится лирическая печаль, ибо Гончаров шутит над тем, что любит, а главное — над самим собой.

В основе системы характеров романа «Обломов» — две контрастных пары: мужская и женская. Контраст Обломова, дворянского романтика эпохи упадка, и Штольца, буржуазного дельца, представителя прогрессивного класса, лежит на поверхности и составляет программное, рационалистическое построение, выражающее главную социальную идею — замену дворянства буржуазией. Но еще важнее для понимания романа контраст двух женских фигур — Ольги Ильинской и Агафьи Пшеницыной, культурной светской барышни и необразованной женщины из народа.

Иннокентий Анненский с ноткой иронии заявил: «Ольга — это одна из русских миссионерок» (цитированное издание, с. 270). Он довольно суров к Ольге:

«Ольга — миссионерка умеренная, уравновешенная. В ней не желание пострадать, а чувство долга. Для нее любовь есть жизнь, а жизнь есть любовь. Миссия у нее скромная — разбудить спящую душу. Влюбилась она не в Обломова, а в свою мечту. Робкий и нежный Обломов (...) был лишь удобным объектом для ее девической мечты и игры в любовь» (там же, с. 271).

Иначе любит скромная мещанка Пшеницына. Она боготворит этого доброго барина и в то же время нянчит его, как малое дитя. Агафья Пшеницына для Обломова — это и любовница, и кормилица, идеал инфантильных и пас-

сивных мужчин. И Гончаров слагает вдохновенную песню во славу этого женского типа, во славу бесконечной женской доброты, в которой чувственная любовь сливается с материнской нежностью.

Агафья Матвеевна стала невенчанной женой Ильи Обломова, матерью его ребенка. А потом Илья Ильич тихо умирает, Агафья Матвеевна согласилась отдать сына на воспитание Штольцу и Ольге, чтобы ее мальчик вырос дворянином.

Все от Обломова перешло к Штольцу. От Обломовых — к Штольцам. Н. А. Добролюбов написал знаменитую статью «Что такое обломовщина?». Высокая оценка романа критиком польстила Гончарову, и он подтвердил верность добролюбовского анализа, хотя и прибавил, что в процессе создания романа он ни о чем таком и не думал. Однако анализ Добролюбова лишь скользит по поверхности.

Более чуткий критик Аполлон Григорьев проник в глубину романа «Обломов» и показал, что Гончаров, внутренне предпочитает Обломова, а не Штольца. Но Добролюбов был революционером и умер от чахотки, а Григорьев был славянофилом, «почвенником» и умер в результате алкоголизма; по этим причинам статью Григорьева зачеркнули и напрочь забыли.

Илья Ильич Обломов — это сам Гончаров. Он сам не раз признавался, что чувствует себя Обломовым.

Это он свою собственную неудачную жизнь оплакал в «Обломове». Тайна бессобытийного эпоса — лирическая печаль.

В 1869 году вышел, наконец, роман Гончарова «Обрыв» — третий и последний его роман. В нем главный герой, художник-дилетант Райский, представляет собою третью версию судьбы дворянского романтика. Характерны две его последовательных влюбленности, две сестры — биологически жизнерадостная Марфинька и идейная, мыслящая Вера. Гончаров сам сказал, что этих двух сестер он написал по образцу Ольги и Татьяны из «Евгения Онегина». Но можно подметить и другую связь: Марфинька — потенциальная Агафья Пшеницына, Вера — типичная «миссионерка», как Ольга Ильинская.

Антитеза дворянского романтика (Райский) и культурного капиталиста (Тушин), столь важная для двух предшествующих романов Гончарова, в

«Обрыве» оказалась мнимой. И Райский, и Тушин — культурные и порядочные люди, которым противопоставлен общий враг — ссыльный нигилист Марк Волохов, похититель чужих яблок и невинностей. В его образе находят черты пародии на тургеневского Базарова. Вера, заинтересованная им, принимается его спасать и исправлять; Марк, увлеченный ее красотой, стремится обратить ее в нигилизм, перевоспитать по-своему. Он предлагает Вере свободную любовь и вызывает ее на свидания, пала из ружья.

И как ни предостерегает Райский Веру, этот любовно-идеологический конфликт завершается грехопадением Веры, производящим эффект землетрясения. Даже злой нигилист испугался того, что он наделал, и письменно предложил Вере законный брак, но был с позором отвергнут.

Райский возвращается с мужественным намерением послужить Великой Бабушке — России.

В «Обрыве» Гончарова Россия воспринимается как бабушка! Эта переменна необычайно знаменательна. Гончаров был встревожен революционным подъемом, его идеалы претерпели существенную переменную. От прежнего прогрессизма писатель отошел к консерватизму и даже отчасти к реставрации. «Обрыв» как бы предлагает союз культурного дворянства и либеральной интеллигенции против нигилизма. Задача этого союза — укрепление существующего порядка.

В «Обрыве» есть прекрасные страницы, исполненные гончаровской изобразительной силой, но много также навязчивой символики и дутого пафоса. Зато юмора, которым славился Гончаров, в «Обрыве» не хватает. М. Е. Салтыков-Щедрин счел неуклюжими и неуместными попытки Гончарова изобразить «новых людей», т. е. революционеров, а всю идеологию «Обрыва» объявил уличной, обывательской.

Писал еще литературно-критические статьи (лучшая из них — «Мильон терзаний») и очерки.

Он прожил без малого 80 лет, оставил бессмертную тематическую трилогию — «Обыкновенную историю», «Обломова», «Обрыв». После выхода «Об-

рыва» практически прекратил литературное творчество.

Бурная последующая эпоха. ценила книги Гончарова, как музейные экспонаты. Его слегка читали, но над ним всегда чуть посмеивались. Потом В. И. Ленин произнес свои знаменитые слова о том, что Обломов — это национальный тип и что русских людей нужно долго «трепать, чистить и драть», чтобы какой-нибудь толк вышел (передаю смысл, а не буквально цитирую). В результате «Обломов» был включен в программу советской школы. Образ его трактовался плоско, дидактически, как схема лентяя: «Дети, не будьте такими, как Обломов! Любите труд!» — и т. д.

Вот к чему привело не критическое, догматическое повторение статьи Добролюбова — к полному искажению собственного смысла и значения замечательных романов Гончарова. Ибо он заслуживает нашего уважения и внимания как честнейший, искренний и смелый глашатай либерально-консервативного идеализма. Он заставляет нас все время помнить, что прогресс разрушает традиционные ценности культуры.

Величие страны определяется ее способностью к совершенствованию, изменению: можно принять эту аксиому, но она неполна. Дополним вслед за Гончаровым: изменение должно сочетаться с любовным сохранением лучших традиций прошлого. Не всех, но лучших. А поскольку разбирать традиции по их современной ценности очень нелегко, будем вообще уважать традиции и менять нашу жизнь с осторожностью, с умом. «Перемен! Мы хотим перемен!» — поет кумир молодого поколения, и он в своем праве. «Не забудьте о нас!» — отвечают ему тени, которые любили, страдали и мучились прежде и которые дали жизнь нам всем.

Главный завет Гончарова непрерывность культурного наследования. И эта непрерывность так же важна, как переменна. Даже если мы не приемлем гончаровского страха перед новым, то все же мы понимаем его тягу к стабильности, как мудрый инстинкт самосохранения, присущий всей культуре человечества.

Р. НАЗИРОВ,
доцент БГУ.